

Предисловие

Волею судеб я на протяжении четверти века, в период последних десятилетий существования СССР, находился, если так можно выразиться, на острие научно-технического прогресса, где были сконцентрированы все главные противоречия экономики, науки, техники, политики, власти. Методы информационной войны, ведущейся против нашей страны и прежде всего против русского народа, проявились в тех областях деятельности гораздо раньше и я с ними столкнулся еще три десятилетия назад. Прежде чем был расчленен на части СССР, враги разгромили научно-технический авангард страны. Мы были своего рода пограничниками, принявшими на себя первый удар массированных информационных сионистских орд, обрушившихся на нашу страну без объявления войны.

Но тогда об этих врагах и их коварных оккультных (дьявольских) методах расправы над русскими было практически невозможно написать полную правду. Абсолютное большинство моих товарищей и друзей, пытавшихся это сделать, погибло. Я избежал гибели чудом и Божьим провидением. И вообще, уцелели и дожили до сегодняшних дней единицы. И в самый раз рассказать всю правду о ненавистных сионистских захватчиках, злобных врагах народов России, и в особенности русского народа.

Как это начиналось

До середины 70-х годов я работал в геофизическом НИИ руководителем сектора механических сейсмических источников (на правах научно-исследовательской

лаборатории), работал как вол, воплощал в металл свои же изобретения, а они были составной частью крупных комплексов для вибросейсмозондирования на нефть и газ, что требовало кооперации усилий. Я мотался по стране, согласовывал, выбивал, утрясал, проводил на полигоне испытания, занимался теорией, писал толстые отчеты. Численность сектора маленькая, всего несколько человек. И к тому же мое еврейское начальство НИИ держало мою группу на голодном кадровом пайке: мне не позволили включить в штатное расписание сектора ни одного высокооплачиваемого работника, а значит, мне не на кого было переложить хотя бы часть моих обязанностей.

Наш НИИ можно было по праву назвать русско-еврейским: половиной лабораторий руководили евреи, половиной — русские.

Первые годы моей работы в НИИ я не придавал никакого значения национальности и даже подружился с неким Ефимом Земцовым, который покровительствовал евреям. Он работал заведующим крупной лабораторией, был правой рукой зам. директора по геологии еврея Марка Пустыльниковца, очень влиятельного в отрасли человека, и вместе с ним они играли в НИИ роль еврейского штаба.

Евреи в институте держались от нас, русских, особняком. Они постоянно о чем-то шушукались в коридорах, замолкая при приближении других, где-то тайно собирались, что-то постоянно обсуждали, шумели, доказывали свою правоту, перечисляли свои обиды, жаловались, ругали начальство, остряли, отпускали в его адрес шуточки — они почти все были юмористами и остряками. Но по-серьезному они ругали только русское начальство, а к соплеменникам-администраторам относились снисходительно и панибратски. Да, они могли критиковать друг друга на ученых советах и каждый рьяно дрался за место под солнцем. Но когда кому-то из них было по-настоящему плохо, все дружно приходило на помощь.

Мне они чем-то напоминали цыган: такие же говорливые, безцеремонные, глазастые, языкастые, уверенные в себе, чувствовавшие себя в нашем НИИ как дома и в то же время вечно жаловавшиеся на свои беды, на глупое начальство, на то, что все их обижают, притесняют, не понимают. И все якобы из-за пятого пункта учетной анкеты «национальность». Мне не давали средств, оборудования, приборов, помещений на разрабатываемую тему, потому что всего этого не хватало; а если этого не давали еврею — то они шумели: русское начальство это антисемиты, недоумки, расисты. Все они считали себя почему-то гонимыми и немножко диссидентами. Они быстро узнали, что я бывший политзаключенный, и поскольку понимали, что я на них в КГБ ни при каких

обстоятельствах не настучу, были со мной довольно откровенны. И даже как бы немного мне покровительствовали. Особенно Земцов. Он всегда поздравлял меня с днем рождения, был в курсе всех моих дел и даже приглашал на пиршества в лабораторию по случаю завершения тех или иных работ. Помню как он остро осуждал вторжение советских войск в Чехословакию в 1968 г., сетовал на тоталитарный режим в стране...

Мои отношения с евреями складывались непросто. Когда я поступал в НИИ рядовым инженером, они относились ко мне скептически и пренебрежительно: инженер-переросток, да еще получил техническое образование заочно, да еще в прошлом какой-то педагог, историк и филолог. Они хихикали, когда я объявил, что намерен защитить диссертацию; зубоскалили, когда испытания первого образца, созданного нами вибросейсмического комплекса зашли в тупик, и все ответственные исполнители темы отошли от дел, оставив меня одного с грудой сложнейшей аппаратуры, которая никак не желала давать правильные данные об устройстве недр. Они восприняли как должное, когда летом 1969 г. ко мне на полигон, где я с несколькими помощниками проводил испытания и отладку комплекса, пожаловала министерская комиссия (состоявшая в основном из евреев), которая признала работы бесперспективными и на 1970 г. исключила из министерского госбюджета.

Но когда, вопреки всем скептикам и острословам, мы получили убедительные результаты, я с ходу сдал кандидатские экзамены по новой для меня геофизике и защитил диссертацию, заставив задним числом исправлять бюджет Мингео СССР на 1970 год, отношение ко мне изменилось. Евреи стали меня принимать почти как равного. Они почтительно со мной раскланивались в коридорах, иногда, с претензией на откровенность, делились со мной своими безконечными бедами и несчастьями, а Земцов даже соизволил как-то пригласить в лес за грибами.

Самое первое знакомство

Детство и юность мои прошли в кубанских станицах, где евреями даже не пахло. Со

школьной скамьи до мобилизации на фронт рядовым солдатом, где опять-таки евреев за все пять лет армейской службы я не видел. Потом в лагере общего режима, куда попал за письмо Сталину, в котором критиковал начальство; среди политических заключенных тоже евреев не было, вопреки распространенному сегодня мнению, что сталинские репрессии были направлены прежде всего против «несчастливых» евреев — «поборников свободы и справедливости». Ложь это. Политзеки, с которыми я провел в Амурлаге все шесть лет, были все сплошь русские и казаки. Были также белорусы, украинцы, встречал литовца. Евреев — ни одного! Правда, в команде надзирателей был один старшина — Абрам, но он ничем не отличался от других надзирателей и запомнился мне по одному случаю, который произошел в 1953 г., в год смерти «вождя и учителя».

Помнится, ранней весной в таежных предгорьях Саянских гор, где мы добывали рудное золото, — к нам в лагерь прибыло новое пополнение. Нашу бригаду после работы привели под конвоем из рабочей зоны в жилую. А чуть раньше к воротам привезли по этапу новую группу заключенных, человек двадцать. Они сгрудились перед воротами и их принимали по списку. Старшина-еврей из надзирателей в овчинном полушубке и армейской шапке со звездой держал в руках список и вызывал этапников по одному.

— Бирман Израиль Соломонович! — выкрикнул старшина с некоторым удивлением в голосе.

— Статья 58-10, часть 1 — 10 лет и три поражения в правах, — привычно откликнулся этапник, выступая вперед.

Надзиратель уставился на вышедшего вперед улыбчивого заключенного в лагерном бушлате и ватной ушанке:

— Ты что, еврей?

— Так точно, пан надзиратель, еврей, — ответил этапник с акцентом в голосе. — С Западной Украины.

— Чудеса! Семнадцать лет в органах работаю, видел евре-ев, отбывавших за мошенничество, спекуляцию, воровство, подлог, но чтобы за политику, да еще за болтовню — такого в моей практике не было. Ты что, ненормальный, что ли? Или больной?

— Да нормальный я, пан надзиратель. Это меня оклевета-ли. Я комбинацию провернул, двух дураков надул. Чисто сра-ботал, не придерешься. А они взяли и на меня в органы насту-чали, сговорились, что я о Сталине анекдоты рассказывал. Ну вот мне и дали ни за что.

Это был единственный еврей-политзэк, встретившийся мне за годы блужданий по лагерям, тюрьмам и этапам. И то он очень быстро и прочно от нас обособился. С помощью соплеменни-ков, работавших в органах (сегодня я понимаю, что даже на-чальник нашего лагеря, капитан, носивший русскую фамилию Киселев и кличку Курт, был из того же неистребимого племе-ни), он быстро перешел на положение безконвойного, свобод-но уходил и приходил в жилую и рабочую зону; получил замечательную возможность проворачивать новые жульнические комбинации, надул нашего бригадира, купив для него в посел-ковом магазине бракованные карманные часы; с приятной улы-бочкой на устах обманул еще нескольких наших зеков. Ребята наши ему пригрозили и неизвестно, чем бы все это кончилось, но после смерти Сталина началась реабилитация, и Бирман был оправдан одним из первых.

---

1. Еврейское «государство в государстве»

Нужно сказать, что еврейская тема в лагерях была под не-гласным запретом. И если находились любители еврейских анек-дотов, то они очень скоро куда-то бесследно исчезали. Их уво-зили по этапу в неизвестном направлении и больше их никто не видел.

В общем из всего моего раннего опыта, включая Гулаг, у меня сложились довольно

примитивные и в целом весьма ошибочные представления об этом неугомонном народце. Я считал евреев обиженными богом, не вполне полноценными и довольно-таки жалкими людьми, которые, не имея достаточно способностей и трудолюбия, чтобы жить честным трудом, жаждут получать блага самым легким нетрудовым способом, за счет мошенничества, обмана, круговой поруки.

И вот в НИИ этот народ открылся мне с новой стороны.

Я быстро понял, что в нашем институте существует дружная еврейская община во главе с зам. генерального директора Пустыльниковым. Он ведал кадрами, распределением помещений и оборудования, так что все самое лучшее доставалось его соплеменникам, а нам, русским — ошметки.

Была у нас негласная женская еврейская организация, но ее роль я в те времена не понимал. Никак не мог объяснить, почему некоторые еврейки ведут себя, как королевы, наполненные высокомерием и презрением к русским и вообще ко всем смертным.

Была у евреев и легальная организация — Научно-техническое общество — НТО, председателем которого тоже был Пустыльников, а Земцов числился его замом. Но поскольку за работу НТО нужно было отчитываться, а евреи на бесплатной общественной работе «гореть» не могут, то им обязательно нужны русские бычки, которые, говоря лагерным жаргоном, упирались бы рогами и делали бы всю работу. Пустыльников с Земцовым высмотрели меня. С их подачи меня выдвинули председателем научной секции сейсморазведки НТО, где я уже вплотную столкнусь с еврейским братством, сделав много для себя открытий.

Во-первых, институтский еврейский клан был лишь частью городского клана, который имел свои группы и «подкланы» практически в каждом научном заведении, и прежде всего в каждом краснодарском вузе. Причем Пустыльников командовал евреями всех геолого-геофизических организаций края и был чуть ли не главным гражданским раввином города.

Во-вторых, краснодарский клан был тесно связан с московским еврейским кланом и вместе с ним составлял часть огромной Всесоюзной нелегальной еврейской

солидарности. Это было государство в государстве, связанное внутри удивительно прочными и быстродействующими связями. Когда в 1973 г. я побывал в командировке в Ашхабаде, где имел доверительную беседу с одним местным евреем, то пока вернулся в Крас-нодар, Земцов уже знал о содержании нашего разговора.

В-третьих, еврейская солидарность была построена по принципу подпольщиков-эсеров: вокруг Пустыльниковова группировались 5—6 евреев, в том числе и Земцов; а каждый из них формировал свою группу из нескольких человек. Но и сам Пустыльников входил рядовым членом в такую же шестерку, которая группировалась вокруг члена-корреспондента АН СССР, директора Института океанологии АН СССР Моница. (А позже мне сообщили, что Монин сам входил в шестерку, которой руководил один из академиков-секретарей).

Солидарность была всеильной. Нашему Пустыльникову она устроила присвоение степени сначала кандидата, а потом доктора наук без всякой защиты «по совокупности работ». И этот псевдодоктор, не знавший ни математики, ни компьютерной техники, ни геофизики, малокультурный, ограниченный человек руководил ведущим геологическим отделом и к тому же работой институтского НТО!

Припоминаю, как сей «муж науки» на одном из заседаний ученого совета уселся в первом ряду и закурил, закрывая клубами дыма и окуривая докладчика. Я сидел за ним и не вытерпел, сделав замечание. Пустыльников обернулся, скривил рожу и презрительно сказал: «Когда ты будешь сидеть на моем месте, а я на твоём — тогда и будешь мне делать замечания», — и демонстративно пустил клуб дыма в мою сторону.

Но он был знатоком человеческой психологии, что позволяет управлять коллективом и без профессиональных знаний. Я быстро понял, как он руководил.

У него в отделе был «русский бычок», наподобие меня, который работал, не поднимая головы, а подписывал составленные в отделе геологические карты и отчеты Пустыльниковов.

Причем его «бычок» работал так хорошо, что Пустыльникову даже предлагали баллотироваться в членкоры АН СССР. И это было вполне осуществимо, потому что

составленные в отделе геологические карты Северного Кавказа получили широкую известность и одобрение, а его высокие покровители были на-готове. Не помню, что помешало выдвинуть ему свою канди-датуру.

Штаб иудейской инквизиции под флагом науки

После приезда из командировки в Ашхабад мой негласный нейтралитет с еврейской солидарностью стал давать трещины. Все более узнавая еврейский клан и его паразитическую сущ-ность, мне стало непереносимо смотреть, как некоторые рус-ские унижаются перед Пустыльниковым, стремясь заполучить для своих тем и лабораторий деньги, оборудование, кадры. Я их стыдил, называл задолизами. И это, конечно, не могло не дойти до нашей еврейской верхушки. А вскоре я столкнулся с такими фактами, которые вообще сломали мои представления о советской науке.

По распределению кадров в наш НИИ попал молодой спе-циалист из столичного вуза. Он написал большую научную работу с критикой теории относительности (ТО), за которую подвергся гонениям. Никто не желал публиковать эту работу и даже принимать к рассмотрению, хотя она была вполне обо-снованной. Я попытался заступиться за этого инженера и на-писал статью для газеты о необходимости в стране специаль-ного журнала для публикации непризнанных гипотез. Статья была опубликована в «Литературной газете», вызвала откли-ки и дискуссию. Из откликов я узнал потрясающие факты. Ока-зывается, еще в 1960 г. евреи составляли большинство в АН СССР и приняли беспрецедентное решение о запрещении ка-кой-либо критики ТО Эйнштейна. И нашлись инквизиторы-академики, немедленно организовавшие подавление «ерети-ков»: любая научная новаторская работа, которая не состыко-вывалась с ТО, объявлялась работой психически больного че-ловека. А если автор сопротивлялся, то академики обращались в психдиспансеры по месту жительства новатора с запросом о его вменяемости, что воспринималось на местах как сигнал для травли. И через какое-то время новатор действительно оказы-вался в психушке.

Меня эта информация потрясла. Окружавшие меня члены еврейской солидарности, в частности Земцов, постоянно ратовали за свободу прав человека и бичевали «тоталитарный режим» за использование средств «репрессивной медицины», а, оказывается, главными зачинателями и организаторами методов этой медицины были в нашей стране их же сопле-менники!

Как мне сообщили, в Отделении физики и астрономии АН СССР существовала огромная так называемая «картотека сумасшедших», в которую попали и некоторые из откликнувшихся. Я решил проверить эти факты и при одной из командировок в Москву нанес визит в АН СССР, в Отделение физики и астрономии. Там в ведении одного из евреев-академиков действительно существовала такая картотека. А само Отделение было занято в основном не наукой, а перепиской с психдиспансерами многих регионов СССР. У меня волосы зашевелились на голове! Ведь они и на меня могут заявить в Краснодарский психдиспансер!

Но я все же прорвался к зав. Отделением, академику с грушеподобной головой и мощными челюстями. Состоялась не очень приятная беседа. Он не скрывал, что они сознательно взяли на себя миссию очистки советского общества от скрытых параноиков и шизофреников. Вели с генераторами новых идей настоящую войну на уничтожение. Им было не до физики и не до науки. Все Отделение стало каким-то всесоюзным штабом психдиспансеров страны, нацеленным против творческо-го авангарда страны и русских самородков, потенциальных ломоносовых, кулибиных и ползуновых. Некоторые генераторы идей, узнав, что их по воле академиков-евреев тайком поставили на учет в психдиспансеры, лишив ряда личностных прав, навещали Отделение и мстили. Один убил какого-то зама из обреза, спрятанного в тубусе. Другой перерезал второму заму горло бритвой.

Завоеванная евреями Академия наук была уже не научным заведением, а дьявольским сборищем параноиков, всероссийским штабом иудейской инквизиции, нацеленным на истребление цвета русского общества. Ибо под удар академиков попадали в первую очередь самые творческие русские люди — генераторы идей и новаторы-изобретатели.

---

2. Я выхожу на тропу войны

Я осмелился на визит в академию, потому что мои дела по работе шли успешно. Руководители геофизического главка предложили мне спешным порядком оформлять докторскую диссертацию и прочили меня зам. директора одного из филиалов

ВНИИгеофизики, чтобы я там развернул работы по своей вибросейсморазведке. И в этот момент наша местная солидарность через Земцова стала снабжать меня некой «дефицитной» еврейской литературой, в которой еврейский народ изображался очень талантливым, гонимым, элитарным, а русский — дес-потичным, жестоким, тоталитарным. В частности, книгу о жизни Надсона, которого якобы затравили, погубили «грубые русские дикари».

У нас происходили дискуссии. Я недоумевал, зачем меня нужно обрабатывать в русофобском духе. И постепенно понял, что к этому времени всей кадровой политикой в Мингео СССР заправляли евреи и на должность замдиректора и выше ни один русский не назначался без предварительного негласного экзамена на антисемитизм.

И вот однажды мои контрдоводы в защиту русских вывели Земцова из себя и он в запальчивости воскликнул: «Неужели ты не понимаешь, что русские берут только числом, как саранча, они заполняют трупами окопы и овраги, поля сражения? Это животные. Они могут лишь стрелять из автомата, пить водку и материться!»

Я безмерно удивился: «Позволь, а кто же ты по национальности?» Я был у него на квартире, видел его мать, типичную простую русскую женщину из крестьян. А оказывается, отец Земцова, который бросил семью, был евреем, а работающую без-ропотную русскую мать сын не признавал, преклоняясь перед евреем отцом.

В общем, проверку на антисемитизм я не выдержал. И это поставило крест не только на моем назначении в другой филиал, но и на всей моей научной карьере.

Без всяких предупреждений вдруг расформировали мой головной в отрасли сектор механических невзрывных сейсмических виброимпульсных источников. Якобы из-за отсутствия финансирования. Руководители геофизического главка, которые покровительствовали моим работам, неожиданно один за другим «сыграли в ящик» при не до конца выясненных и дос-таточно загадочных обстоятельствах. Меня понизили в должности и хитроумно лишили работы. Зарплату платили, но у меня не было даже рабочего места. Когда я просил работу, замди-ректора, еврей Матусевич, с уважительной улыбочкой говорил: «Вы же у нас крупный ученый, у вас много изобретений, вас знает отрасль как талантливого инженера, вы сами должны найти себе работу». Но когда я предлагал новую разработку, они ее неизменно отрицали.

Для начальства, подчинявшегося солидарности, я стал пер-соной «нон грата» и мне откровенно показывали на дверь. Но я не сдавался, продолжал изобретать и додумался до пионерс-кого, так называемого электропарового сейсмического источника, который имел столь неоспоримые преимущества перед жалкими плохо управляемыми заимствованными за рубежом пневмопушками, и обещал нашему НИИморгео такие преимущества на миро-вом рынке, что даже косо смотревшая на меня местная еврейс-кая институтская метрополия вновь стала подавать голос в мою пользу.

Но в это время генеральным директором нашего НПО и НИИ стал Янкиф Панкусович Маловицкий. Внешне доброжелательный и даже добродушный толстячок с зелеными глаза-ми, он был ярым сионистом и русофобом, поддерживаемым, как впоследствии выяснилось, самим сионистским рейхом. Он уже тогда, в конце 70-х годов, чихать хотел и на мой источник, и на своих соплеменников из числа местной солидарности, и даже на партийное начальство. Перед ним мировая сионистская закулиса поставила совершенно иные задачи. Он начал последовательную ликвидацию всех тем, разработок и лаборато-рий, возглавляемых русскими учеными, и, конечно, никакого вни-мания на мое изобретение не обратил и никаких средств на его реализацию не выделил. Я продолжал оставаться внутри НПО на положении неофициального безработного.

И тогда, стиснув зубы, я своими руками, без средств, на свою личную зарплату сделал сначала модельную установку источ-ника, а потом и макет, пригодный для испытаний на морском полигоне. С помощью своих многочисленных русских товари-щей и друзей провел успешные испытания самодельного электропарового источника, получил вполне приличные результа-ты, написал научный отчет о проделанной работе и настолько успешно защитил его на секции сейсморазведки НТО, что даже евреи нашего НИИ склонились в пользу новой разработки. Ну, думаю, теперь директор никуда не денется.

Но у послушного иудейскому рейху Маловицкого были совсем иные цели. Ему нужен был не технический прогресс, а технический развал страны. Он не удовлетворился мнением ученого актива НИИ и послал на отзыв мой отчет московско-му соплеменнику из числа зарубежных подражателей, специа-листов по пневмопушкам, которые уходили в небытие в случае промышленного освоения моего электропарового источника. И, конечно, московский «спец» дал отрицательный отзыв. И хотя этот отзыв не выдерживал никакой критики и вызвал в НИИ лишь общее недоумение, противиться могущественному шефу никто не посмел.

Неприкрытая, враждебная стране и государству, деятельность Маловицкого вызвала в НИИ оппозицию. Не только я, но и другие русские ученые института сопротивлялись сионистской агрессии. Один из таких ученых написал о деяниях Маловицкого целую поэму, в которой в поэтично-юмористической форме описал целенаправленно разрушительные управленческие решения Маловицкого. На вид толстый, добродушный, вежливый, культурный человек — ни на кого голос не повысит, — он был беспощаден к русским ученым, создавал им невыносимые условия, откровенно издевался, наслаждаясь их беспомощностью и своей вседозволенностью. Сколько русских, да и нерусских, но честных и умных ученых скоростижно скончалось от издевательств этого изувера — никто точно не знает. Этот сионистский гауляйтер и садист ничем по своей сущности не отличался от немецко-фашистских гауляйтеров и садистов. Ибо сионизм и фашизм — это близнецы-братья. Разница лишь в том, что немецкие гауляйтеры напрямую расстреливали славян или сжигали их женщин и детей в запертых сараях, а иудейский рейх прицельно истреблял цвет славянства изощренными коварными методами, «цивилизованным» путем. Сионистский рейх в горбачевские времена под видом перестройки взял курс на окончательный и полный захват советского государства, в котором еще оставалось что-то русское. А для этого нужно было разгромить ведущие отрасли, которые давали славу и средства этому «гойскому» государству. И Маловицкий блестяще справился с этой задачей, оставив после себя пустыню: в конечном итоге был ликвидирован не только наш Краснодарский, весьма котирующийся в стране и за рубежом, геофизический НИИ, но отброшена далеко назад вся отрасль морской разведочной геофизики.

В конце 70-х годов, когда генеральным директором нашего НПО был назначен этот академический сио-фашист, мало кто понимал его разрушительную сущность. Я попал под его удар одним из первых. И одним из первых разобрался в его вредоносной деятельности.

Соединив информацию, накопленную за годы служебного общения с еврейской солидарностью, с информацией, почерпнутой из талантливой книжки Ю. Иванова «Осторожно: сионизм», с практической информацией, приобретенной на сессиях Общественного института энергетической инверсии (ОИ ЭНИИ), активистом которого я стал после статьи в «Литературной газете», с собственным печальным опытом общения с Маловицким, я составил себе примерно следующую схему происходящих событий.

В 1972 г. Израильский кнессет принял закон о двойном гражданстве, по которому все евреи СССР объявлялись гражданами Израиля и должны были платить налог — шекель. Но поскольку очень многих евреев, прекрасно обжившихся в нашей стране, вполне устраивало и единственное гражданство такой большой и сильной страны, как СССР (от добра — добра не ищут), то появилась задача скомпрометировать и ослабить

эту страну, доказать и показать ее слабость и никчемность по сравнению с «образцовым государством мира» Израилем. Началась кампания русофобии, которая подкреплялась практическими действиями таких «штирлицов», как Маловицкий. Они притворялись русскими (наш 100% иудей Маловицкий называл себя украинцем) и творили зло и разруху. А потом их же эмиссары говорили наивным членам солидарности: смотрите, какие русские дураки, их государство разрушается, а Израиль превращается в мировое государство XXI века.

Так я понял, что кроме еврейской солидарности существует иудейский управляющий центр страны — подпольный сионо-фашистский рейх, базирующийся по всем признакам в АН СССР. Он командует солидарностью, вырабатывает стратегический план развала СССР и уже взял в свои руки всю кадровую политику КПСС и вообще СССР. Сионизм уже в брежневские времена ползучими методами лукавства, лжи, обмана, методами информационного и физического терроризма, псих-оружием, созданием массовых психозов, рекламой разрушительных для нас культурных ценностей, культом математики и посредственных еврейских ученых в науке, массовым внедрением в русскую православную церковь ереси жидовствующих, методами присуждения ученых степеней и званий угодным сионистам людям, подкупа высокого начальства благами западной (иудейской) цивилизации, и вообще методом «маленьких дел» практически захватил государство, созданное гением русского народа. Уже в конце 70-х годов на вершине власти, по моим понятиям, не осталось ни одного русского. Русские были изгнаны с вершин власти, а чаще всего просто убиты: причем убийства изощренных сионских террористов всегда выглядели как неожиданная преждевременная «естественная смерть при не до конца выясненных обстоятельствах». (Именно такой смертью погибли один за другим три моих доброжелателя, крупных ученых и изобретателей в геофизическом главке Мингео СССР: В. Федынский, М. Полшков, Н. Грачев, а на их места уселись такие же деятели, как Маловицкий. Причем иудейский рейх нисколько не церемонился и с евреями, если противились его воле и не желали видеть в русских своих врагов).

Поняв, что сионисты уже захватили советское государство, а на самом верху действует кровавое беспощадное иудейское гестапо, я не видел смысла писать жалобы. Кому их адресовать? Другьям и покровителям Маловицкого, управлявшим, по моим понятиям, не только всякими там суловыми, андроповыми, громыко, но и самим Брежневым?

Нужно было отвоевывать у врагов русское государство, которое было русским только внизу, аверху стало густо иудейским. А другого оружия, кроме как правдивая информация о сионизме, просто не было.

Ю. Иванов вышел на тропу войны с иудеями-захватчиками, так же как Е. Евсеев, В. Бегун и некоторые другие, не побоившись репрессий. Их нужно поддерживать на местах, вносить сколько можно свою лепту в общее дело освобождения русско-го Отечества от коварных оккупантов.

Так и я вслед за этими пионерами-антисионистами (которых одного за другим коварно и подло умертвило иудейское гестапо) вышел на тропу войны с безмерно умным, хитрым, беспощадным и безжалостным врагом, не брезговавшим никакими средствами, имевшим в руках реальную власть, бездонные капиталы и стремившимся к безграничному и полному гос-подству над миром.

Но прежде чем описывать мои первые действия на тропе войны, нужно рассказать более подробно об ОИ ЭНИН — том русском научном братстве, которое в противовес солидарности сложилось в Советской России и незримо поддерживало меня и вообще все русское в науке.

Общественный институт ЭНИН

Даниил Андреев в «Розе мира» выделяет две России: земную и небесную. Так вот, если в земной России ОИ ЭНИН был почти никому неизвестен, то в небесной он играл, очевидно, роль русского научного штаба страны.

Эта организация состояла в основном из тех подлинных ученых, которые были оттеснены на задворки науки эмиссарами еврейской солидарности, занимавшими административные кресла благодаря своей круговой поруке и невидимой помощи мирового жидовина. Об ОИ ЭНИН можно судить по руководителю этой организации.

Павел Кондратович Ощепков, 1908 г. рождения, был быв-шим безпризорником, потерявшим своих родителей в граждан-скую войну. Воспитывался в детдоме типа Макаренковской коммуны. Первые годы советской власти евреев в науке почти не было, и она была в основном русской, а значит, и справедливой. Ощепков с отличием окончил технический вуз; а еще студентом изобрел оригинальный новаторский радиолокатор, поэтому по направлению попал в один из секретных военных НИИ, где работал чуть ли не под руководством самого Туха-чевского. Но главком затем попал под репрессии, а вместе с ним попал в лагеря и Ощепков, где провел 10 лет — все годы Отечественной войны. В 1947 г. его реабилитировали, без за-щиты присвоили степень доктора наук и поставили заведую-щим крупной независимой лаборатории с правами почти ди-ректора института. Наблюдая разгром русской научно-шко-лы в АН СССР, начавшийся, как мы уже говорили выше, на рубеже 50—60-х годов, Ощепков решил создать некое приста-нище для изобретателей и ученых, которых вытесняла и дави-ла набиравшая силу солидарность. Правда, в те годы он, как и все мы, этот процесс вытеснения из государственного научно-го аппарата подлинно творческих ученых связывал не с побе-дами еврейского братства, а с издержками прогрессирующей бюрократии и партноменклатуры. Но так или иначе он пору-чил одному из своих сотрудников искать по стране самород-ков и изобретателей из народа. В информационном простран-стве страны столкнулось два противоположных процесса: АН СССР организовала черномagicескую инквизицию для препровождения самородков в психушки, а Ощепков стал создавать под них специальный институт.

Официально этот институт создавался под задачу разработ-ки новых энергетических источников, поэтому и получил та-кое название — «энергетической инверсии».

И вот в 1967 г. Ощепков собрал выявленных отвергаемых наукой изобретателей на первый учредительный съезд. И ока-залось, что 50% участников этого съезда — это такие же, как сам Ощепков, бывшие политические узники ГУЛАГа; или же неугомонные: воинствующие праведники, искатели истины и социальной справедливости.

Иудейский рейх понял опасность ОИ ЭНИН и всполошил-ся. К Ощепкову применили оккультные магические приемы, с ним случилось нечто среднее между инсультом и инфарктом и он попал в больницу. Закаленный невзгодами бывший лагер-ник выдержал этот удар и остался жив. Но его уволили из ака-демического НИИ и досрочно отправили на пенсию. Однако дело было сделано. Общественный институт — очевидно, пер-вая в послевоенные годы независимая неформальная научная организация — был создан. В темном научном царстве иудейс-кого Кашея забрезжил луч света. Русская наука сопротивля-лась!

Несмотря на дикое шельмование института со стороны прежде всего АН СССР, приклеенный к нему ярлык «сборища изобретателей вечных двигателей», ОИ ЭНИН стал регулярно один раз в два года проводить сессии. Об этом институте я узнал из откликов на мою статью в «Литературной газете», тоже стал его членом и в 1975 г. принял участие в работе третьей сессии этого института в Москве. Сделал там крамольный по отношению к теории относительности доклад об устройстве Вселенной и подобии микро- и макромиров. Это была моя лю-бимая идея, родившаяся еще в юношеские годы. Она имела определенный успех (а впоследствии одна из родившихся в годы «перестройки» независимых академий присвоила мне за нее звание академика). А с учетом статьи в «Литгазете» я стал в ОИ заметной фигурой и приобрел многих друзей, единомышленников, соратников.

Сессия ОИ ЭНИН была для меня отдушиной в затхлой атмосфере омертвелой науки. Я уже более десяти лет работал в НИИ, участвовал во многих семинарах, конференциях, ученых советах. В официальной науке, из которой к началу 70-х годов уже было изгнано все русское, царил корыстный дух самоутверждения и самости. Каждый стремился грести под себя, утвердить только свою тему, подставить ножку соседу, оплевать ближнего, вырвать за счет него побольше средств для себя.

Здесь же было все иначе. Каждый выступающий руководствовался в первую очередь интересами общества и государства, или даже человечества.

Парадоксально, но эти, в большинстве совершенно невлиятельные, никому не известные, загнанные в угол еврейской солидарностью, отторгнутые и гонимые обществом новаторы и изобретатели смотрели далеко вперед, отчетливо рисовали бездонную пропасть, в которую катилась страна, да и все человечество, высасывающее соки из матушки Земли, пытались предотвратить катастрофу. Они предлагали потрясающие по эффективности и простоте решения, докладывали о десятках сделанных ими открытий. Это были подлинные академики Земли русской, мозговой интеллектуальный центр страны. Они защищали свой народ и все человечество. Но они не умели защитить себя. Это были русские «спасатели человечества» и народа, «двигатели прогресса», часть научных сил России, которая была намертво привязана к Соборной Душе своего народа и по воле Провидения стремилась к осветлению науки, нейтрализации разгула в ней черных сил, к гармонизации человеческого общества и организованного Космоса. На эти бы силы опереться ЦК КПСС, защитить их от руководителей АН СССР, дать им средства и какую-то власть — и наша страна быстро бы решила свои проблемы, прочно укрепив себя мировым лидером. Но советское государство уже контролировалось со-всем иными силами и все это уже ЦК КПСС было не нужно.

С этого первого в моей жизни форума русской науки я вынес глубокое убеждение о невероятной талантливости нашего народа и о необходимости в первую очередь заниматься не про-биванием собственных идей, а всячески помогать этим людям. Это и стало главной программой моей деятельности на все последующие годы.

Через ОИ я познакомился с замечательным ленинградским ученым профессором Т. А. Лебедевым, авиаконструктором ака-демиком О. К. Антоновым, физиком и философом Ю. К. Дидыком, эфиродинамиком антиэйнштейновцем В. А. Ацюковским, системоаналитиком, физиком, историком и писателем С. М. Айвазяном, общественным деятелем, философом и физиком Г. У. Лихошерстных, физиком-философом и поэтом В. И. Гусаровым и еще с целым рядом неутомимых искателей истины и правдолюбцев, видевших угрозу распада СССР еще в 70-х годах и стремившихся создать условия для гармоничного развития страны, без разрушения природы и общества. Но в условиях командно-административной системы, которую взял под свой жесткий контроль иудейский рейх, усаживавший в научные кресла пусть бездарных, но «своих» людей, талант этих подлинных ученых Земли русской остался не востребуемым. Более того, их титанические усилия улучшить общество и спасти науку от стяжателей нередко воспринимались дезориентированной общественностью как «клевета на передовую советскую систему» и «злопахательство завистливых неудачников», а они сами попадали под репрессии, шельмовались, переправлялись в психушки.

Не избежал этого и я. И тот факт, что мой сектор, несмотря на успешные испытания созданных нами вибросейсмических комплексов и самые лестные отзывы ведущих организаций и самого начальника главка, расформировали в начале 1976 г., т. е. через 6—7 месяцев после эниновской сессии, вряд ли случаен.

Русский народ в лице самой массовой партии, очарованный внешне культурными, ласковыми и приветливыми академиками АН СССР, пошел за ними, отдавая им на съедение своих русских людей, защитников и спасителей, подлинно русских академиков и ученых. В условиях жесткой партийной диктатуры и идеологической монополии КПСС воевать с иудейским Кашеем, полностью захватившим все руководство наукой в стране и сросшимся с той властью, которую народ называл «советской» и считал своей, было равноценно самоубийству. Но я все же набрался смелости выйти сознательно на тропу войны с хищным иудейством, ибо был уже не одинок. За моей спиной стояло русское научное братство ОИ ЭНИН. Более того, на сессии я познакомился с членами ОИ из Краснодара, образовалось Краснодарское отделение общественного института. Меня выбрали его руководителем. А потом это отделение мы легализовали как секцию экологической энергетики Краснодарского

Дома ученых. Все это придавало силы.

План действий

Для нас было ясно, что власть вражеского рейха держится на дезинформации и обмане. Нужно было бы разоблачать этот обман, нести людям правду. Прежде всего о том, что советская наука к концу 70-х гг. стала «одноногой калекой».

С первого дня становления этой науки в ней господствовала русская научная школа Петра Петровича Лазарева, друга и соратника знаменитого ученого и экспериментатора П. Н. Лебедева (кстати говоря, тоже скончавшегося в расцвете сил скоропостижно и при не до конца выясненных обстоятельствах). Именно школа Лазарева заложила основы замечательных научно-технических достижений в первые десятилетия советской власти.

Несколько позднее стал создавать свою научную школу Абрам Федорович Иоффе, поклонник западной математизированной науки и друг Эйнштейна. Школы стояли на очень разных философских и идеологических позициях. Лазаревцы делали ставку на русских самородков, выходцев из народа, советских Ломоносовых, людей творческих и смелых экспериментаторов. В научной школе Иоффе ценилось многознание, владение иностранными языками, близость к европейской современной школе (т. е. уже зависимой от иудаизма). Школы остро дискутировали друг с другом, но это не только не мешало науке продвигаться вперед, но ускоряло это движение. Наука как бы стояла на двух ногах, ибо обе школы дополняли друг друга.

И вот иудейский рейх и его гестапо убрали русскую часть науки и получился урод. Великая страна осталась без своего нормального, работоспособного мозгового центра, стала дегенерировать, а сотни и тысячи самородков, ранее опекавшихся отеческой русской школой, остались безпризорными.

Мы не ставили задачей изгнать евреев из науки. Мы говорили о взаимной дополняемости отечественной, русской научной школы и интернациональной эйнштейновской. Мы предлагали «консенсус», который существовал до 60-х годов и мог бы при разумном руководстве советской наукой быть восстановлен вновь.

Наукой в СССР руководил ЦК КПСС. Мы уже туда обращались с вопросом о перекосе в науке и необходимости восстановления статуса русской научной школы. Нас отфутболили в Комитет по науке и технике. А там сказали, что это нужно научно доказать и обосновать.

Легко сказать, а как сделать? Ведь вся статистика в руках АН СССР, а для нее мы злейшие враги.

Нужно было создать рабочую группу из активистов ОИ ЭНИН, энтузиастов самобытной русской науки, которую у нас стали называть второй наукой. Нужно было создать заочный постоянно действующий семинар и по круговой переписке обсудить назревшую реформу науки. Мы надеялись убедить чиновников Комитета по науке и технике и инструкторов ЦК КПСС в необходимости учреждения независимой второй русской ломоносовской Академии наук.

И такую группу вскоре мы создали. Под копирку писали письма и работы и рассылали их почти по десяти адресам. Воспользовались трудами так называемого Журнала научно-физического кружка (ЖНФК), созданного в Ленинграде вскоре после еврейского переворота в науке такими же последователями русской научной школы, какими были мы. В ходе этой переписки я написал целый труд о борьбе научных школ в СССР — «Материализм и академизм» — и о том, как передовая советская наука стала одноногой калекой и быстро превращается в придаток зарубежной науки, обслуживавшей транснациональные корпорации.

Я пустил свою работу по кругу, надеясь доработать ее коллективно и передать руководителям страны или издать массовым тиражом.

Одновременно я написал повесть «Подвижники» о жизни и деятельности членов ОИ ЭНИН и преследовании их академической иудейской мафией. Эту повесть я не решился посылать в официальные журналы и издательства и тоже пустил по кругу.

И то и другое произведение пошло по рукам. Стало тиражироваться самиздатским методом. А моя работа «Борьба русских школ в России», в подготовке которой участвовал весь наш семинар, и там не был указан автор, через какое-то время широко распространилась среди всех членов ОИ и один из них, не знавший о нашем семинаре, даже прислал ее мне с отличным отзывом и советами познакомиться.

Мы избегали резких формулировок, почти не затрагивали еврейскую тему, не выходили из круга идей коммунистической парадигмы. И тем не менее к блестящему стилисту, остроумно-му ясномыслящему С. Айвазяну после нескольких обличительных писем в ЦК КПСС прислали на дом психиатра для постановки на учет в психдиспансер. И только его удивительное самообладание и прирожденный ум заставили психиатра отступить и не выполнить «партийное поручение». Но академическая мафия не уgomонилась и посылала к нему других психиатров еще три раза!

И вообще, техника «чистых» убийств в СССР, доживавшем свои последние годы, была доведена до совершенства. Неудобные погибали в нужный момент с внешней стороны от естественных инфарктов, инсультов или случайных автомобильных катастроф, но нам было ясно, что это не случайно. А как и кто организовывал эти убийства, мы не понимали.

Вскоре и я попал под удары иудейских палачей и узнал, как они это делают. Но незадолго перед этим я пошел на еще один отчаянный шаг: за несколько месяцев напряженного труда без отрыва от работы в НИИ я написал большую повесть о своей лагерной жизни «Нестеров — сын Ивана».

В ней как раз изображалось то, о чем старательно умалчивала не только официальная журналистика, но и диссиденты типа А. Солженицына. Его повесть «Один день Ивана Денисовича», раздутая до небес местными и зарубежными сионистами, возмутила меня, бывшего лагерника-политзэка, до глубины души. Это была тонкая, профессиональная, точно рассчитанная ложь иудея, желавшего казаться русским. В ней русский Иван Денисович изображался скотиной, забитым быдлом, потерявшим

человеческий облик. Это была любимая идея Земцова и всей нашей институтской еврейской солидарности: вот, дескать, среди каких скотов им приходится жить. (Кстати говоря, лавры Солженицына — «великого русского писателя» — не давали покоя другим иудеям в России. И один из них — Войнович — написал такой же, даже еще более гнусный пасквиль на русский народ — повесть о солдате Чонкине).

А потом Солженицын разродился целой серией книг о «жут-ких сталинских лагерях», где наряду с правдой соседствовала кривда, нацеленная против России, русского народа, русской идеологии, и защищала ценности иудейской западной фарисей-ской культуры. Книги Солженицына играли роль разрушительной информации, разрывавшей духовное тело русско-право-славного народа России. И никто с этим не боролся. Наобо-рот, заумные статьи чисто партийных литераторов, бичевав-ших Солженицына как антисоветчика и антикоммуниста, толь-ко подливали масла в огонь его популярности и всемирного авторитета, маскировали русофобскую суть.

Все это и побудило меня написать правдивое произведение о сталинских лагерях, описав там свой личный опыт. Русские. если это были действительно русские, а не полуиудеи типа Со-лженицына, нигде не теряли человеческого достоинства и в любых условиях служили своему народу, Богу, истине, были духовным авангардом России, работавшим на сплачивание, а не на разъединение народа.

Весной 1980 г. я закончил свою повесть. Честно говоря, посылать было страшновато. «Один раз отсидел почти за то же самое — и вот опять напрашиваюсь», — лезли в голову пу-гающие мысли. Но и терпеть это торжествующее свинство, жить в мире, опутанном наглой ложью, было невыносимо. И после некоторых колебаний я открыто направил ее в издательство «Советский писатель» с отчаянным сопроводительным пись-мом. В нем я писал о позорище для великой страны, в которой вся литература стала самовосхвалительной; о позорище для русского народа, терпящего такое засилье евреев в искусстве и культуре. О том, что каждый еврей-начальник сидит в кресле раздавленного русского, и т. п.

И через пару месяцев я получил официальный ответ из из-дательства с рецензией писателя И. М. Шевцова. Спасибо Ива-ну Михайловичу: он спас меня от лагеря или психушки. В ре-цензии он дипломатично написал, что в моей повести есть, ко-нечно, антисоветские и антикоммунистические выпады. Но они объясняются не моим агрессивным антисоветизмом, а недостат-ками моего художественного мастерства.

И то ладно. Я не стал полемизировать с издательством и задумал еще один антиссионистский шаг.

Лекция о сионизме

То, что происходило в СССР в последние полтора-два десятилетия, объяснить с позиций чисто классовой борьбы было невозможно. Русское государство было завоевано не капиталистами-империалистами, а еврейской ордой. Это была скорее этническая, расовая война, о которой мы, выпускники советской материалистической школы, почти ничего не знали. Я решил восполнить этот пробел своих знаний.

Еврейский вопрос я изучал профессионально. В библиотеках города собрал всю имеющуюся литературу. Кое-какую прислали друзья по ОИ ЭНИН. Составил картотеку, законспектировал основные труды, систематизировал, соединил с моими практическими знаниями еврейской солидарности, и вырисовалась, как мне тогда казалось, довольно стройная и ясная картина.

«Евреи еще в древние времена в условиях деспотических режимов изобрели смешанную торгово-иудейскую национальную общину, которая обеспечивала им выживание в любых условиях. В центре этой общины — крупный торговец, ростовщик, банкир, рядом с ним — духовный пастырь, раввин. Вокруг них — верующие иудеи, сплоченные еще и как национальность единством крови (тогда я еще не знал, что чистота крови издревле охранялась у них специальным институтом женщин-иудеек, очевидно, не менее могущественным, чем раввинат, ибо еврейская община — это матриархат). Получилось очень прочное и устойчивое образование. Раввин сплавляет евреев духовно, банкир помогает им материально, а рядовые иудеи снабжают их необходимой информацией, как щит, предохраняют ростовщика от прямого грабежа».

«В условиях господства средневекового патриархального общинного быта и массового

распространения христианских антииудейских общин еврейская община была малоопасной, а при разрастании численности этих общин они периодически изгонялись из европейских стран за паразитизм, ненависть к христианам и человеческие жертвоприношения. Но с началом индустриализации общинный патриархальный быт и христианство стали деградировать, и еврейская сверхпрочная община получила большое преимущество. Спаянный торгово-иудейский клан, внедряясь в распадающееся общество, добавлял к бедам местного народа новые. Тем более что «Талмуд» не признает за христианином права называться человеком и учит расправляться с ним любыми методами, вплоть до физического уничтожения».

«В нашей стране после 1917 г. классическая еврейская община была разрушена. Но сохранилась традиционная еврейская солидарность, которая относилась к русским достаточно лояльно. В основе «дружбы народов» СССР лежит, в первую очередь, негласный русско-еврейский союз. Русские евреи держались до поры до времени достаточно изолированно от мирового иудаизма. Но после 2-й мировой войны международный кагал стал все настойчивей проникать в СССР, увлекая обрусевших евреев идеями сионизма. Чтобы оторвать русских евреев от русского народа и вынудить платить подати в казну Израильского государства, потребовалась русофобия. К несчастью для страны, многие русские евреи клюнули на ядовитую приманку мирового кагала, русско-еврейский союз распадается, грозя распадом всей страны».

Лекцию примерно такого содержания я и подготовил по линии общества «Знание», закончив ее словами с призывом к евреям не поддаваться русофобии, понимать, что это вражеская духовная диверсия; не порывать благих связей с русским народом.

Лекция была вполне лояльной и легитимной. Я, конечно, знал намного больше. И о еврейской солидарности в стране, которой руководили иудеи, и о магической инквизиции иудаизма АН СССР, и о податливости артистичного в своей основе еврейского народа массовым психозам, сознательно вызываемым черными поводами иудаизма; и даже о том, что русофобия была лишь одним из таких искусственно созданных психозов. И что в целом еврейская община СССР, маниакально одержимая русофобией, оказывает психическое воздействие на все народы России, возбуждая у них самоубийственную ненависть к традиционно оберегавшему их от бед большому русскому народу и провоцируя распад СССР.

Но в этой первой для Краснодара антисионистской лекции нельзя было отступить от правового пространства ни на йоту. И без того моя лекция была для солидарности и еврейской диверсии НИИ бунтарской и непозволительной, нацеленной против всего

Автор: Нестеров Е.
23.01.2011 22:28 -

того, что мне пытался внушить Земцов, что пыталась навязать сионизированная часть советской культуры.

Не знал я тогда главного: иудаизм был не религией, а инструкцией колдунов, черных магов и гипнотизеров о подчинении людей своей злой воле, и что на тропу войны с чародеями нельзя выходить без прочной веры в Отца Небесного и благословения с его стороны. И это незнание едва не стоило мне жизни.

Первое знакомство с пси-оружием

Сначала я прочитал свою лекцию, отрецензированную в обществе «Знание», в наших мастерских, поисковых партиях и на испытательном полигоне. Там все прошло нормально и успешно. Рядовой русский человек интуитивно чувствовал правду в моих словах и выражал это аплодисментами.

А потом состоялась контрольная зачетная лекция в самом нашем институте, так сказать, в самом логове.

За несколько дней в вестибюле было вывешено крупное объявление. Но когда я вошел в зал, он оказался пустым. Там сидело всего человек 12—15, главным образом из числа моих русских товарищей. И это при общей численности сотрудников института около 500 чел. А из еврейской солидарности присутствовал лишь один Земцов (он, как я считаю, знал о готовящемся на меня психическом нападении и пришел посмотреть на редкое зрелище «кары за ослушание еврейского бога»).

Но мизерность аудитории меня не смутила. Я понимал, что моя лекция была вызовом по отношению к Маловицкому и всему еврейскому руководству НИИ. Никто не хотел попадать под их удар. Я был готов к такому обороту дела, взошел на трибуну и начал

говорить бодро и уверенно. Тем более что у меня под рукой был полный текст лекции.

Свободно и легко говорил минут десять. Потом, это очень трудно описать, в моем мозгу произошло как бы вскипание раствора. Такое впечатление, что мозг был прошит очередью мельчайших разрывных пуль, создавших серию микропузырьков, которые тут же охлопывались.

Я запнулся и замолчал на полуслове в недоумении. А потом меня обуял страх. Подчиняясь неведомой силе, я сошел с трибуны и, провожаемый недоуменными взглядами моих товарищей и присутствовавшего лектора-экзаменатора общества «Знание», направился к выходной двери.

Но меня остановил неведомый внутренний голос: «Это провокация. Не поддавайся ей! Возвращайся на трибуну!» Я нашел в себе силы остановиться, а затем, ломая какое-то непонятное мне сопротивление, вернулся на трибуну и продолжил лекцию.

Меня стала одолевать нервная дрожь, сердце билось как бешеное, какая-то непонятная сила стремилась как бы закрыть мне рот. Вряд ли средний ученый моих лет с обычным, ненатренированным сердцем и с обычной, не прошедшей через потрясение ГУЛАГа психикой, выдержал бы такую нагрузку. Но я занимался спортом, всю юность провел на тяжелой физической работе в лагерях, побывал во многих передрягах и выдержал. Я говорил (вернее, читал по конспекту) лекцию еще минут тридцать. И даже нашел положение, при котором сила воздействия на меня была наименьшей. Нужно было слегка отклониться в сторону от основного положения на трибуне, к которому мешающая сила как бы уже пристрелялась. И несколько минут мне почти никто не мешал. Но потом вскипание повторилось, я уклонялся в другую сторону. И вот так, как бы переминаясь временами с ноги на ногу, я, покрытый испариной, дочитал лекцию до конца.

Это было секретное пси-оружие убийства, с помощью которого иудейский клан расчищал себе дорогу к власти, убирая негодных начальников и русских академиков. Я понял, как умирали вдруг мои полные сил товарищи по ОИ ЭНИН, после того, как поднимали вопрос о еврейском засилье в советской науке. Я понял, почему боялись евреев некоторые русские академики в АН СССР, не желая даже затрагивать вопрос, каким образом русская академия превратилась в национально-еврейскую. Это было их секретное пси-оружие оккультного колдовского происхождения, которое, очевидно,

Автор: Нестеров Е.
23.01.2011 22:28 -

отшлифовывалось веками и передавалось избранным. Таким избранным иудеем в нашем НИИ был, как я определил по ряду признаков, иудей Пустыльников. Причем этого оружия боялись не только русские ученые-академики, но и сами рядовые евреи.

(Впоследствии я пришел к выводу, что этим оружием было заурядное, известное по многим источникам колдовство, шаманство и черная магия, которые очень сильно действуют на атеистов, некрещеных, материалистов-ученых, но которые безсильны против истинной веры и подготовленного к попыткам бесовского наваждения русско-православного человека. Я даже написал и опубликовал потом в газете «Колокол» статью «Тайное оружие жрецов иудаизма», за которую, кстати говоря, еще раз подвергся мощнейшему нападению, но, слава Богу, я уже был к нему подготовлен. В общем, высмеивая невежество людей, веривших в колдовство и черную магию, иудейские запреты советской науки сами успешно пользовались этими бесовскими методами).

Но тогда, в 1980 г. обо всем этом было немыслимо даже заикнуться. А когда я попытался объяснить моему товарищу, присутствовавшему на лекции, что со мной произошло, он испуганно посмотрел на меня. «Твоя психика не выдержала».

Да что говорить о приятелях, если даже моя жена, мой надежный и умный друг, отрицала возможность направленного вмешательства в психику со стороны и тоже проявила безпокойство о моем здоровье.

Пришлось срочно менять версию своего поведения на лекции. Я стал говорить, что мне стало плохо с сердцем, и я решил прервать лекцию и уйти, но потом передумал и, несмотря на боль, дочитал до конца.

Однако иудейская команда так легко не оставляет свои жертвы, очевидно, понимая, что «раненый зверь вдвойне опасен».

3. Охотник и жертва

Вариант, когда жертва выдерживала первый магический удар, у иудейских охотников за русскими скальпами был, очевидно, предусмотрен. И начался второй виток покуше-ний.

На следующий день я не вышел на работу, предупредив начальство, что заболел. Нужно было разобраться с тем, что произошло, и наметить план действий. Тем более что я постоянно чувствовал контакт с какой-то посторонней, неведомой мне силой. Это вызывало страх, который усиливался как бы сам по себе и переходил в нервную дрожь. Естественно, что я контролировал свое состояние и держал себя в руках, так что окружающие ничего не замечали. Но было неприятно, и это продолжалось дня два-три.

А потом внутренний голос подсказал мне: «А ты не бойся мага, ничего он тебе не сделает». Я преодолел свой страх, и мне сразу стало легче. А затем я вообще приспособился: когда чув-ствовал, что какая-то мерзкая гусеница пытается залезть мне в душу, я как бы отбрасывал ее руками, показывая при этом мо-ему охотнику мысленный кукиш. И чувствовал, что «охотни-ку-магу» это совсем не нравилось, а мне, наоборот, давало об-легчение.

После нескольких таких сеансов я понял, что у меня про-изошел телепатический контакт с медиумом, которому каждое мое сопротивление было тоже неприятно и даже, как мне каза-лось, приносило боль. Мне стал понятен механизм психонападения. Сенсорно сильный и ненавидящий меня человек устанав-ливает со мной телепатический контакт, почувствовав мой страх, он его усиливает и усиленным возвращает мне. Я его воспринимаю и еще более усиливаю — и так возникает цепная реакция нагнетания страха, которая чаще всего кончается ги-белью жертвы.

И вот через несколько дней, когда «охотник» понял, что я все еще жив и сопротивляюсь, последовал еще один сокруши-тельный, точно рассчитанный удар. Ко мне домой вдруг пожа-ловал сотрудник КГБ. Молодой вежливый лейтенант. Показал удостоверение. Объяснил, что ничего серьезного за мной нет, но меня приглашают на собеседование по одному важному воп-росу.

Автор: Нестеров Е.
23.01.2011 22:28 -

Но это, разумеется, была обычная служебная ложь. Нео-жиданные визиты сотрудников грозного учреждения, чьи «под-виги» в сталинские времена уже были широко расписаны и из-вестны многим, для немолодых, легко ранимых людей могли закончиться инфарктом или инсультом. А я к тому же — быв-ший гулаговец и все их «подвиги» знал воочию.

Так что я не питал иллюзий и понимал, что так просто туда не вызывают. Ворота в КГБ широкие, а выход узкий.

Это был мой второй привод после отсидки. Первый раз меня туда выдернули в 1960 г. после окончания пединститута за пись-мо брату в Ленинград, в котором я расфилософствовался о моральном перерождении верхов.

И вот меня приглашают в госбезопасность второй раз.

Я пришел в грозное учреждение (на углу улиц Мира и Красноармейской в Краснодаре) сам, с тяжелым сердцем, но без стра-ха и волнений.

Их было трое: капитан, майор и полковник. Я один. Они вели перекрестный допрос: «Вам известен Уголовный кодекс?», «Вы знаете о содержании такой-то статьи?», «Вы отдаете отчет в том, что нарушили закон и занимаетесь антисоветской агита-цией?»

Вот в чем дело! Они воспринимают все мои, неведомо как попавшие в КГБ произведения, как антисоветскую агитацию и желают подвести меня под соответствующую статью Уголов-ного кодекса. К этому я был готов. Я совершенно успокоился и стал уверенно и даже с улыбкой парировать все их доводы. Они мои произведения пробежали по верхам, а я их знал доскональ-но. В научной дискуссии по моим работам спорить со мной было сложно.

Особенно старался полковник:

— Вы оскорбляете наших прославленных академиков! Наши академики и советская власть — единое целое! Наша наука — мозговой центр партии! А партия — мозговой центр СССР! Вы подрываете этот центр! А это по Уголовному кодексу карается лишением свободы.

— Вы все ставите с ног на голову, — спокойно возражал я. — В моих работах нет бранных слов и оскорблений. Есть аргументированные доказательства, что к научной власти в СССР пришла лишь одна научная школа Иоффе, подавив и репрессируя ученых всех других школ. Причем, как это видно по сегодняшней нашей встрече, не без вашей помощи. Интересы советской власти — власти народа и интересы клана Иоффе не только не совпадают, а диаметрально противоположны. Пока в стране еврейская научная школа не была монопольной, советская наука действительно была мировым лидером, но когда возникла монополия клана, успехи советской науки кончились и начался регресс. Я — участник Отечественной войны, защищал свою страну и свой народ от фашистских хищников и сейчас защищаю интересы народного государства от круговой поруки научного клана. А вы чьи интересы защищаете?..

Майор и капитан смотрели на меня сочувственными глазами. А полковник еще долго спорил. Очевидно, он получил очень крутые наставления подвести меня под статью или переправить в психушку. А так просто, бездоказательно и произвольно, да еще без одобрения присутствовавших майора и капитана, это сделать он не мог.

— О каком клане вы говорите? Иоффе и его школа — это признанные всем миром ученые. Это представители истинной науки, которая борется с лженаукой! — пытался обвинять меня полковник.

Но со мной такие пируэты не проходили: я тотчас же привел по памяти несколько работ крупных зарубежных признанных ученых-материалистов, которые относились к эйнштейновской школе крайне критично, называя ее идеалистической, и совместно с десятками других, тоже признанных ученых, составили ей оппозицию. Так что клан Иоффе — Ландау боролся не с лженаукой, а с подлинной наукой, и не за истину и благо народа, а за свой карман и интересы клана.

Беседа была долгой, многочасовой. Полковник злился, что остался в одиночестве, и все более «бычал», допуская в мой адрес грубые выражения и бездоказательные обвинения. Это шокировало его товарищей, которые все больше проникались ко мне

сочувствием. Особенно неудобно было капитану. Мы с ним потом остались вдвоем, и он извиняющимся тоном объяснил, что мой антиакадемический самиздат давно им известен, но они не видели в нем особого криминала. Но вчера был звонок из Москвы. Из канцелярии чуть ли не самого Андропова. Центр строго спрашивал: почему меня до сих пор не привлекли? И начальник краевого Управления КГБ приказал немедленно вызвать меня и разобраться.

Беседу со мной полковник, конечно же, записал на пленку и в качестве оправдательного документа — как он рьяно старался выполнить указание — послал в Москву. Уже после 1991 г., когда объявили о рассекречивании архивов КГБ, я пытался получить документы по моему допросу в июле 1980 г. Но никто ничего найти не мог. А жаль. Думаю, что видеозапись моего допроса смотрелась бы с неменьшим интересом, чем захватывающий детектив.

Я сопоставлял факты: меня подвергли удару пси-оружием, но я остался жив. После пси-нападения человек испытывает постоянный страх, нередко начинает жаловаться на «черных магов», которые его преследуют, очень похож на невменяемого. А при неожиданных вызовах в КГБ окончательно теряется и прямиком попадает в психушку. Такой же сценарий иудейский рейх, тайно управлявший и верхами КГБ, коварно разыграл и со мной. Но номер не прошел. Мой ангел-хранитель — а я крещен в младенчестве — был очень могущественным и убедил меня и на этот раз. Меня отпустили, попросив лишь принести все имевшиеся у меня рукописи самиздата.

Очевидно, для иудейского рейха в Москве такой исход был неожиданностью. Большое начальство дало крепкий разгон нашим краснодарским кэзэбистам за попустительство. Я сужу об этом по двум фактам, которые мне известны.

Во-первых, через некоторое время сотрудники Краснодарского КГБ стали проводить лекции в вузах с учеными и преподавателями о бдительности (в частности, с преподавателями факультета сельхозинститута для иностранцев). А для них приводился мой пример и говорилось о недопустимости критики академиков и советской власти.

Во-вторых, под удар КГБ попала наша секция в Доме ученых. В ней проявлял активность Евгений Нелепин, сегодня достаточно известный по своим трудам ученый.

Автор: Нестеров Е.
23.01.2011 22:28 -

Он написал фундаментальный труд по физике и, пытаясь его опубликовать, решил обратиться к академику Сахарову за помощью и содействием. Я его отговаривал, так как воспринимал пропаганду академика Сахарова как коварный ход иудейского рейха для выявления появляющихся русских талантов и их уничтожения. Но Евгений все же меня не послушал и попытался наладить с академиком-диссидентом контакты. И попал на долгие четыре года в психушку, откуда вырвался с совершенно подорванным здоровьем и скоро умер.

Но все это было уже без меня. Ибо в том же трагичном для меня июле 1980 г. я уволился с работы и уехал далеко за пределы Российской Федерации.

Охота продолжается

Мой отъезд из Краснодара в Казахстан, в грязный пыльный Гурьев, был для многих неожиданностью. В том числе и для КГБ. Вместе с женой мы обдумали сложившуюся ситуацию и пришли к неутешительному выводу: мне не только нельзя оставаться в институте, но и вообще в Краснодаре. Я попал под двойной, а может быть, и тройной колпак: КГБ, академической психкоманды и еврейского братства. А Казахстан — другая республика. Надвигались перемены. Нужно было отсидеться, переждать.

К тому же психика моя была действительно травмирована. Я хоть и научился как-то защищаться, но часто чувствовал присутствие рядом чужой враждебной силы и должен был напрягать волю, чтобы подавить страх. И при этом нельзя было никому рассказать о своем состоянии, обнаружить его, пожаловаться и получить советы, потому что даже моя жена не верила моим объяснениям и мои сетования лишь усугубили бы ее подозрения в отношении моей вменяемости.

В Гурьеве располагался Казахский республиканский геологоразведочный НИИ. Они там прочитали в геофизических сборниках и журналах о моих эффективных импульсных

вибраторы — ГУК-1 и ГУК-2 — генераторах упругих колебаний — и решили реализовать свой собственный ГУК-3.

С помощью Харьковского политехнического института соорудили установку. Уже почти год испытывали ее на поли-гоне, но ничего, кроме помех, зарегистрировать не могли. Ди-ректор Гурьевского НИИ еще до моей лекции приглашал пере-ехать к ним, взяться за доработку источника. Обещал через два месяца дать квартиру.

Я созвонился с гурьевским директором, собрал чемодан, уволился без препятствий и даже, на радость моему краснодар-скому еврейскому начальству, по собственному желанию, и уехал.

По дороге завернул в г. Саратов к своему приятелю по кру-говой переписке, эниновцу Гусарову Валерию Ивановичу, ав-тору новой теории гравитации, изложенной в известной среди представителей второй (русской) науки книге «Взаимопревращаемость полей и вещества». По моему глубокому убеждению, его работа и сегодня актуальна, как 20 лет назад. Теория гра-витации — фундамент физики — теоретическая база всего на-учно-технического прогресса. Я знал, что он преподавал физи-ку в школе и университете, обращался в АН СССР со своей теорией гравитации, за что подвергся гонениям. Те открытия, которые сделал Гусаров, в сочетании с работами других эниновцев, могли очень быстро вывести страну в лидеры мирово-го технического прогресса. Но на нашем пути стоял мировой кагал, у которого были совсем иные планы.

Это был свой русский человек, моих лет, которому можно было рассказать все, не опасаясь, что он проговорится и помо-жет академической пси-команде выявить еще одного «парано-ика» в моем лице. Это был человек многогранный и талантли-вый. Он даже писал стихи. И когда я с ним разговорился и по-ведал о своих бедах, вдруг оказалось, что он прошел через то же самое, что и я, несколько лет назад, после выступления на учительском съезде, где он сказал о засилье евреев в физике и науке. Он тоже испытал действие пси-оружия и даже в присту-пе страха покушался на собственную жизнь, после чего его по-ставили на учет в психдиспансере, дали инвалидность и лиши-ли работы в институте.

Оказывается, это была еще одна жертва иудейского охот-ника. Об этом в письмах он никогда не писал, стыдясь гово-рить о том, что его поставили на учет в психдиспансере насиль-но, превратив в неполноценного человека, разоблачений кото-рого теперь

можно было не бояться.

Моему негодованию не было предела: иудейский рейх устроил пси-охоту на талантливых русских ученых, и в то же время дал команду еврейским диссидентам протестовать против репрессивной медицины, обвиняя в этом русских коммунистов и «этот дикий народ». Как Бог мог терпеть такое коварное лицедейство?!

Гусаров тоже не с каждым мог поделиться своей болью и был искренне рад мне. Он был даже более опытный в делах иудейского гестапо, чем я. И, несмотря на собственное неблестящее положение и ухудшающееся здоровье, был искренне озабочен моим будущим.

— У нас в Саратове очень мощная еврейская община, и все держит в своих руках. Даже цензурит мою переписку, — пояснял он. — Я их изучил. У них железная солдатская дисциплина, которая держится на страхе перед их еврейским богом. Каждый, кто нарушает установки раввина, или не выполняет приказ свыше, попадает под удар этого их земного бога. И, естественно, попадает под его удары и уничтожается каждый гой, осмеливающийся выступить против еврейства. Я выступил против них — пожалуйста, их бог меня покарал. А ты выступил — и остался безнаказанным. Ты же внес настоящий хаос в вашу краснодарскую еврейскую общину, посеяв сомнения у рядовых евреев относительно всемогущества их бога. Эти сомнения подрывают палочную дисциплину и грозят разрушить всю их талмудическую субординацию. Они вряд ли тебя оставят в покое. Хорошо, что ты уезжаешь в Казахстан. Я пришел к выводу, что их еврейский земной бог — это обычный племенной шаман-колдун, только вооруженный современными знаниями. Но у казахов есть свои шаманы и не слабые. Там иудейским черным магам будет непросто добраться до тебя. Да и ты не промах. Проходил через многие испытания.

Он подтвердил мои предположения о том, что наведением страха на жертву управляет специально подготовленный маг, пробивая защитное поле человека и как бы вводя в него свой психический зонд. Но этот старый допотопный колдовской оккультный метод сегодня дополнился и инструментальной методикой. «Существуют генераторы страха, — пояснил Валерий Иванович. — И не исключено, что такое направленное облучение использовали и на твоей лекции».

Само Провидение, очевидно, направило меня в Саратов к такому же «подранку», как я.

Автор: Нестеров Е.
23.01.2011 22:28 -

Мы действовали друг на друга оздоравливающе. Во всяком случае для меня визит к товарищу по несчастью был освежающим душем и после Саратова все мои страхи окончательно испарились. Я ехал в Гурьев полный сил и сразу же включился в работу. В течение нескольких не-дель мы получили на полигоне с ГУКом очень приличные ре-зультаты и защитили на отлично научный отчет. Директора НИИ похвалили в своем республиканском министерстве и меня повысили в должности с главного геофизика до главного ин-женера, которому уже полагалась по штату служебная легко-вая машина. Потом мне дали отдельную квартиру с удобства-ми, представили в обкоме партии, зарплата у меня была выше директорской. Но мой саратовский друг не зря беспокоился о моем будущем и предупреждал, что они меня не оставят в по-кое. По моему следу шли сразу три охотника, и по очереди они стали меня настигать.

Маг-убийца

Быстрее всех сработало иудейское гестапо. После пережитых стрессов я стал как бы ясновидящим и на расстоянии ощущал мысли и чувства людей, если они касались меня. Такую способность, в неярко выраженном виде, я приобрел еще в лагерях. Там, в экстремальных условиях, очень важ-но почувствовать и предупредить агрессивные намерения ближ-него, если они направлены против твоей личности. Такая сверх-чувствительность нередка для закоренелых лагерников, «воров в законе», которые мгновенно чувствуют, если человек подхо-дит к ним с недобрыми намерениями. Мне это тоже помогало выжить в лагере, избегать многих неприятностей. Теперь эти способности на порядок обострились. Я просто читал мысли и чувства людей, как открытую книгу. Но, разумеется, никому об этом не говорил и никак этим не пользовался.

Так вот однажды, спустя две или три недели, я вновь по-чувствовал слежку. Точнее, ясно ощутил уже поздно вечером, что в Гурьев пожаловал особо сенсорно мощный человек, ко-торый очень нелестно думает обо мне и желает причинить мне зло.

Был конец августа. Лето было еще в разгаре. Я еще жил в общежитии. В субботний день

Автор: Нестеров Е.
23.01.2011 22:28 -

вышел на плавающую пристань на берегу реки Урал. И сразу же почувствовал слезку. Сделал несколько пасов и обнаружил своего преследователя. Это был человек моего возраста, может быть, немного моложе. Черный, лысоватый. Явно с примесью еврейской крови.

Я не подал вида, что обнаружил его. А на пристани сам для себя неожиданно взял билет на прогулочную яхту, которая уже почти отчаливала. Но мой преследователь успел-таки запрыг-нуть на борт вслед за мной.

На катере он находился рядом со мной и, как я понял, искал со мной разговора. Я отчетливо ощутил его двойственное ко мне отношение. Он уже наводил обо мне справки здесь, в Гурьеве, и они кардинально отличались от той информации, которую он получил от своих шефов.

Мы познакомились. Он работал научным сотрудником в одном НИИ на Урале. А теперь решил приехать в отпуск на отдых в Гурьев.

Это было явное вранье. Морского пляжа в Гурьеве нет. А речной пляж у них на Урале, наверное, такой же, как и у нас. Да и какой тут летом отдых: тучи мошкары, ночью не уснешь, духота, дышать нечем. Днем — пыльные бури, песок метет.

А пока он мне врал и расспрашивал о подробностях моей жизни, я отчетливо читал его мысли. Его послали привести в исполнение приговор над злобным и ярым «фашистом-антисемитом». Но тут, в Гурьеве, ему рассказали обо мне совсем другое: крупный ученый, изобретатель, работяга, никому зла не делает, очень нужный для Гурьева специалист. И он засомневался: действительно ли я антисемит и фашист или со мной кто-то сводит личные счеты из числа еврейской элиты Краснодар? А ему очень не хотелось лишать жизни хорошего человека ради прихоти какого-то амбициозного начальника.

И еще я уловил сногшибательную информацию: его называют «человеком-пушкой», потому что он обладает невероятной способностью излучать направленно всей поверхностью своего тела фантастически мощный заряд, убивающий жертву на расстоянии мгновенно.

Прогулка была многочасовой, километров двадцать по Уралу до моря и обратно. По дороге — купанье на одном из песчаных островов. Мой знакомый раздобыл у капитана шах-маты, и мы сыграли пару партий. Он играл азартно и неплохо, но авантюрно, и оба раза проиграл.

Когда он разделся для купанья, обнаружилось, что все его тело покрыто облезлой кожей. Я поинтересовался: что это с ним? Он сослался на солнечный ожог, но это тоже была явная ложь: как можно обгореть между ног? Тогда он сказал, что это от невроза.

Я говорил с ним довольно откровенно, укрепляя его сомнения относительно моей принадлежности к антисемитам. Ругал академиков, которые эксплуатируют чужой труд и сводят счёты с конкурентами, прошёлся по нашему Пустыльникову. В общем, к концу поездки я почувствовал, что он окончательно убедился в справедливости своей неуверенности, злился на шефа за такое идиотское задание. А в отношении меня размагнитился и подобрел.

Не знаю, какой там разговор состоялся у него с шефами, но после этого в очередной раз неудачного покушения гестапо на несколько лет оставило меня в покое.

Но через несколько месяцев после моего приезда в Гурьев меня достал охотник другой команды.

Однажды пьяненький парторг-казах нашей опытно-методической партии, когда мы с ним остались наедине, заплетающимся языком сказал мне:

— Посмотри мне в глаза.

Он сверлил меня неприятными черными глазками, но я не отводил взора.

Парторг недовольно буркнул:

— Никто мой взгляд не выдерживает... А потом вдруг спросил:

— Ты еврей?

Я удивленно пожал плечами:

— Вроде бы русский...

— Тогда почему же ты вместе с ними бунтуешь?

Я снова удивился:

— А в чем это выражается? Парторг хитро улыбнулся:

— Я все про тебя знаю. Дело твое секретное видел.

Да, у них там все по-семейному. В гурьевский КГБ пришла на меня какая-то бумага. Секретная. Но в КГБ — родственники директора. Они ему по-семейному доложили. Директор пре-дупредил своего родича-парторга.

Приказ о моем назначении на должность главного инженера поспешно аннулировали, вернув начальную должность главного геофизика. У меня отобрали служебную машину.

Автор: Нестеров Е.
23.01.2011 22:28 -

Но я к этому времени углубился в работу и мало обращал внимания на бюрократическую возню вокруг табеля о рангах. Мы получали все новые и новые впечатляющие результаты.

Наш ГУК-3 гремел по Казахстану. Я написал о нем толстую книгу, которую отнес в издательство. В полный рост возник вопрос о серийном производстве ГУКов. И вот теперь срабо-тали охотники московской академической команды.

Для иудейских гауляйтеров Мингео СССР, отражавших волю своего рейха, моя фамилия была непереносимой. Несмотря на многочисленные положительные отзывы о ГУК-3, ходатайство Мингео Казахстана, специальное ходатайство нашего Гурьевского обкома партии, Мингео СССР денег на серийный выпуск не выделило. Деньги — это чисто еврейская прерогатива. Я и так прославился в иудейском коллективе Мингео СССР тем, что остался живой после крамольных «антисемитских» лекций. А дать после всех моих антисюнистских дел зеленую улицу моему ГУК-3, закрепляя этим мой триумф и расписываясь в безсилии их бога, — это было слишком.

Все ходатайства Москва оставила без внимания.

Тогда я написал жалобу в ЦК КПСС и по решению инструктора, курировавшего нашу отрасль, в Мингео СССР была создана специальная комиссия для ее рассмотрения. Меня правительственной телеграммой вызвали в Москву на эту комиссию. Я приехал и ахнул: в комиссии сидели сплошь евреи из числа друзей Маловицкого. Причем, как я почувствовал с первого заседания, половина из них владела психическими методами нападения и была решительно настроена против меня.

Заседания комиссии были для меня настоящей психологической пыткой. Ее решения были заранее подготовлены. Они безбожно все перевирали. А двух более честных членов комиссии дружно забивали, как цыгане на базаре. А один из иудеев — особо омерзительная личность (между прочим, блондин с красивым русским лицом), пытался даже загнать в меня магический заряд.

В общем, комиссия решила весь накопленный мной задел по теме вместе с моим источником передать в Сибирь, а я как бы оставался без работы.

На директора Гурьевского НИИ мое поражение в Москве подействовало, оно резонировало с письмами из КГБ, и он на всякий случай решил понизить меня в должности без ущемления в зарплате. Я написал заявление «по собственному желанию», он сгоряча подписал, и я превратился в безработного «вольноопределяющегося». Спустя недели три директор позволил и предложил вернуться на работу. Но я уже глотнул воздух свободы и предпочел «статус-кво».

Но вместе со свободой вернулись старые проблемы сионистской войны, от которой я отошел за несколько лет напряженной работы над созданием новой аппаратуры ГУК-3. Я восстанавливал переписку с друзьями. Устроился на почасовую работу преподавателем физики и термодинамики в местном политехническом институте. Я считал, что сионистский зверь, выбросив меня после семилетних усилий из отрасли, насытился, и я вышел из его поля зрения. Но я ошибался. Черные успешно наступали. На страну напал западный демонизм. Иудейский рейх чутко ощущал все основные центры русского духовного сопротивления и уничтожал их. А я был для них все еще не сдавшейся крепостью в их тылу. И они решили раз и навсегда поставить в моем деле точку.

---

4. Иудейский Вий, или Страшная ночь

В 1984 г. ОИ ЭНИН объявил об очередной сессии в Москве. Я написал доклад на свою любимую тему антиэйнштейновского устройства мира и прочитал его на сессии. И опять почувствовал, что какая-то непрошенная мразь лезет мне в психику. Я понял, что в зале присутствовали члены академической пси-команды и пытались проводить надо мной эксперименты... Но я уже был стреляный воробей, их комариные укусы были мне не страшны, и доклад прочитал успешно.

Но, видимо, я вновь попал в поле зрения того самого их высокого чина, который уже дважды выносил мне смертный приговор. На третий раз он решил не ошибиться.

После сессии у меня начались летние каникулы, я поехал в Краснодар, мы с женой отдыхали на Черном море, занимались обменом квартиры в Гурьеве на Краснодар, вели кочевой образ жизни, и меня отследить было трудно. Обмен продвигался туго, и к началу учебного года я вернулся в Гурьевский политехнический институт на преподавательскую работу. И вот тут-то иудейский Вий, — видимо, главный черный маг и демон бе-совской команды в России, — меня настиг.

Днем мне позвонил кто-то по телефону. Незнакомый женский голос произнес какую-то чушь: «Это ты, бе-бе-бе?» — и засмеялся, повесив трубку. В душу напознала непонятная тревога.

Это произошло ночью. Я проснулся в 12 часов ночи от ощущения физического присутствия рядом со мной недоброго духа. В квартире я был один. Чужая сущность стремилась войти в меня, проникнуть под черепную коробку, овладеть моей волей, остановить мое сердце. Я стал отчаянно сопротивляться. Собрал все самообладание и мужество. Я понимал, что пустить в себя злую силу — это смерть. Меня трясло, как в лихорадке. Сжав голову руками, я метался по комнате, как загнанный зверь. «Голову береги» — в полубредовом сознании услышал я добрый голос своего ангела-хранителя. Я схватил толстое шерстяное одеяло и закутал в него голову и часть туловища. Стало чуть легче дышать. Но только чуть. Сердце вырывалось из груди, бешено колотилось. Стиснув зубы, я не пускал в себя беса, создавая вокруг себя все новые и новые мысленные и физические преграды. Смутно понял, что это не я боролся с фантастически сильным злым духом, это бьются через меня и вокруг меня, за меня Силы Света и Силы Тьмы.

Я потерял счет времени и не знаю, сколько длилась эта страшная пытка. Но, наверное, часа полтора. Иногда казалось, что сил больше нет и мне конец. Осенял ли себя крестным знаменем? Не помню. Наверно, нет. Мне кажется, Вий позаботился, чтобы из моей памяти выпала информация о великой защитительной силе молитвы и крестного знаменья.

Но мой ангел-хранитель, очевидно, восполнял пробелы моей пассивности и старался изо всех сил. Он надоумил меня как бы спрятать себя в мысленное непробиваемое стальное яйцо. Потом я стал мысленно наращивать стенки этого яйца, защищая себя от чудовищ, напозавших на меня со всех сторон. Затем эти стенки снаружи я стал покрывать оскаленными собачьими и волчьими головами, рычущими на чудовищ. Вокруг меня как

бы образовалась целая свирепая стая волкособак, которые стали кусать и теснить чудовищ, гнать их прочь. Я чувствовал, ощущал всеми фибрами, что столпотворение идет не только вокруг меня и даже не только в Гурьеве, а где-то да-леко, может быть, в Москве, в психоцентре, который заказал мое убийство, вызвав самого *Вия* и демонов зла. Сотрясалась вся Небесная Россия, стремясь защитить одного из своих вер-ных ей сыновей.

И мы победили. Я ясно увидел внутренним мысленным взо-ром, как охранявшая меня стая стала рвать на куски тела чудо-вищ, как эти куски оборачивались какими-то мелкими птица-ми, кажется, воронами, и стаями улетали прочь.

А потом я вдруг увидел главного организатора моего убий-ства: интеллигентный высоколобый человек с какими-то пус-тыми, мертвыми глазами. Ему теперь было так же плохо, как недавно мне. Даже хуже. Он уже ослеп и вряд ли выживет. Но это уже не зависело от меня. Этот человек высвободил силы, о могуществе и сущности которых он сам плохо знал, и теперь должен расплачиваться.

Потом я увидел седобородого благообразного старца в белой сверкающей рясе. Он смотрел на меня добрыми глазами и мысленно утешал, прощая мне мои грехи. Только тут я, нако-нец, вспомнил про молитву Христа и стал осенять себя крест-ными знаменьями. Лег в постель и быстро заснул крепким оз-доровительным сном.

Послесловие

С тех пор прошло полтора десятка лет, а я никому подроб-но не рассказывал о той страшной ночи осенью 1984 г. Ибо и сегодня неискушенный читатель, воспитанный советской шко-лой убежденный атеист, «враг суеверий и поборник науки», или рационально мыслящий и неглупый полуатеист, прочитав опи-сание той страшной для меня ночи, скажет, что все это плод больного воображения человека с нездоровой

психикой. Про-сто и понятно. А в те годы мое подобное откровение кончилось бы для меня психушкой.

К счастью, положение в стране в отношении духовных зна-ний быстро меняется и все больше появляется людей, кото-рых не нужно убеждать в реальности бесовства и доказывать, что пережитое мной имеет не внутреннее, а внешнее проис-хождение.

И вот удивительное совпадение: вскоре после этого поку-шения центральное советское телевидение сообщило о преж-девременной смерти сразу трех академиков-секретарей! Их все-го-то было семь — это главные координаторы, управлявшие наукой в СССР. И вдруг одновременно и скоропостижно скон-чались сразу трое из них, вчера еще не жаловавшиеся на свое здоровье: Энгельгард, Кикоин и Попков. Все трое евреи, ду-ховные отцы еврейской солидарности.

И это были далеко не все жертвы той битвы на небесах, сви-детелем и участником которой я оказался. Я интуитивно чув-ствовал, и это подтверждали разрозненные сообщения в цент-ральной прессе (на которые мало кто обращал внимание, но я обращал), что осенью 1984 г. вымерла практически вся верхуш-ка пси-команды. Смерть настигала этих людей, занимавшихся черным спиритизмом, неожиданно, непонятно и в самых раз-личных ситуациях (кто-то даже сгорел и обуглился внутри, но одежда осталась невредимой).

В сионистском бастионе оккупированной России появилась огромная брешь, которую темным удалось заштопать кое-как лишь через несколько лет. Развалилась на куски вся налажен-ная система психологического контроля в СССР. По регионам сохранялись местные пси-центры, но они были гораздо слабее центрального. В 1985—86 гг. страна жила без пси-контроля. Был сам себе предоставлен Горбачев, совершивший в эти годы не-мало доброго. Именно в эти годы впервые общественность смогла отвергнуть бесовский государственный проект поворо-та северных рек. А нам в Краснодаре удалось не допустить стро-ительства Краснодарской АЭС, включенного в народно-хозяй-ственные планы и одобренного XXVII съездом КПСС.

Но самое главное — сорвался государственный переворот, который был приурочен к аварии на Чернобыльской АЭС. Найдите обложки советского журнала «Смена» за 1985—86 гг. Художник, оформлявший эти обложки, знал о готовящемся перевороте весной 1986 г., когда должно было произойти то, что удалось осуществить лишь в

1991—93 гг. По другому сце-нарию, а не так, как задумал сионистский рейх, стали разви-ваться события в стране и мире.

Только в 1987—88 гг. сионистам удалось восстановить пси-центр и взять под свой контроль генсека и правительство. Но это было далеко не то. У них уже не было вийской команды для совершения ритуальных убийств и вообще не было прежней духовной силы. И поэтому по всей России стала прорасти белая поросль: патриоты, националисты, казаки, православные общины, экологи и даже просветленные коммунисты.

Разрушение главного пси-центра России (и мира!) в 1984 г. имеет историческое значение для судеб всего человечества. В первую очередь для русского народа, в околдованном спящем мозгу которого стало просыпаться тысячелетнее сознание му-жественного, гордого, безстрашного древнего руса, грозного врага всякой нечисти.

Оно имеет судьбоносное значение и для еврейского наро-да, начавшего понимать разницу между благим национализ-мом и сионо-фашизмом и осмелившегося — немислимое ранее дело! —формировать оппозицию наиболее черным раввинам внутри своего государства. (Думаю, что именно эта оппозиция негласно осудила практику ритуальных убийств, которых с каждым годом становится все меньше).

Черные завоевывали Россию долгие три столетия. Сначала ликвидировали патриаршество и вместе с ним религиозное на-родоправство; утопили в море крови народное противодействие двусмысленным петровским реформам, открывшим дорогу в Россию масонам, атеистам, баптистам, иеговистам и пр.; по-том покончили с русской религией вообще, сделав атеизм государственной религией и создав очень удобную для зомбирования «новую историческую общность» — советский народ.

Наконец они реализовали уникальный академический, идеально замаскированный под науку пси-центр, взявший на воо-ружение черномагические и оккультные методы, знахарство, шаманство, колдовство, усилили эти старые обряды инструмен-тально, взяли под свой пси-контроль всю страну. Фактически они ликвидировали русский народ как историческое и культур-ное целое, подменив общинника православной веры эрзац-человеком, «гомо совьетикусом», бездуховным атеистом-интернационалистом, не отдававшим отчет, кому он служит и какое общество строит.

Очевидно, и вылечивание русского общества будет достаточно долгим. И оно, по моим понятиям, несмотря на все шатания русского общества, идет.

После 1984 г. было еще много событий. Я попал в черный список всемогущего иудейского рейха, который и сегодня не забывает о моем существовании. Но и я не остаюсь в долгу, ведя в составе Русского аналитического центра информационную войну с иудо-фашизмом во имя освобождения всего народа от сатанинской оккупации не на жизнь, а на смерть. Я все время иду по самому краю пропасти, и это Божье чудо, что я еще в строю.

Изменилась общая ситуация. Просыпающийся и уже отчасти сбросивший наваждение русский народ воспринял распад СССР как национальную трагедию, не поняв в своем большинстве, что это распалось заколдованное царство иудейского Кащея, головы которого стали пожирать друг друга в бойне 1993 года и уничтожают друг друга сегодня в противостоянии Президент — Госдума — КПРФ.

Да, сионисты и их рейх еще копошатся, строят планы нового раздела России, планируют развязывание гражданской войны на Северном Кавказе, мешают нам жить и работать, стремясь правдами и неправдами загрести под себя и присвоить все ценности и блага, которые ежедневно и ежечасно производит наш трудолюбивый, многоталантливый, многоэтничный, необычайно терпеливый, щедрый и добрый русский народ. Но время сионистов уже истекло и час пробил. Эпоха торжества зла на Земле кончается, на пороге эпоха Добра.